

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Сов. культура - 1987 - 14 апр.

О Вере Федоровне

ВКП

У нее были поразительные глаза. Они смотрели пристально, вдумчиво, словно бы стараясь до конца понять, что за человек предстал перед нею. Казалось, таким глазам трудно, невозможно солгать. Во всяком случае так подумалось мне, когда я впервые увидела ее, Веру Федоровну Панову. Было это в 1955 году в Ленинграде, в Доме писателя имени Маяковского.

Нет, она вовсе не была добренькой, кроткой, покладистой. В ней чувствовалась неукротимый, всегда живший в ней темперамент, чувство справедливости, стремление к правде во всем, прежде всего в человеческих отношениях.

Она была смелой, безбоязненно вставала на защиту тех, кого, по ее мнению, несправедливо обижали, никогда не страшилась поднять голос против кого-то сильного, правомочного.

Спустя примерно восемь лет мне довелось снова встретиться с Верой Федоровной уже в Комарове. Я приехала туда ненадолго.

Вера Федоровна жила на одном со мной этаже в Доме творчества. На мой взгляд, она мало изменилась со дня нашей первой встречи, она много работала, выходила только к столу, иной раз совершала прогулку вдоль берега, большей частью гуляла одна и снова возвращалась к своей работе.

Однажды, когда я возвращалась из леса, она встретила меня. Я поздоровалась, хотела пройти мимо, я знала, она очень занята, и у меня даже мысли не было подойти к ней, впрочем, в Доме творчества все точно так относилось к Вере Федоровне, целили ее время.

И вдруг она первая остановила меня. Спросила, нравятся ли мне в Комарове, и когда я сказала, что в Комарове я впервые, она заметила:

— Природа невеселая, но я часто бываю здесь. Мне в Комарове работаете лучше, чем где бы то ни было. Потом она заговорила о моей повести «Год спокойного солнца», незадолго до того опубликованной в журнале «Москва».

Я рассказала ей, что прототип моей героини — моя добрая знакомая, живет в Москве.

— И она тоже врач-хирург? — спросила Вера Федоровна.

— Да, она хирург, больные ее боготворят, но личная жизнь у нее не сложилась.

— Почему? — живо спросила Вера Федоровна. — Потому что она так некрасива? — Может быть, и потому, — согласилась я.

— А у вас — она счастлива в любви, она любит и заставит любимого также полюбить ее.

— Мне захотелось хотя бы на бумаге дать ей немного счастья, — сказала я, — захотелось придумать ей какую-то любовь, как-то высветлить ее жизнь.

Вера Федоровна улыбнулась.

— Представьте, я вас понимаю. У меня у самой бывают точно такие же желания...

Она задумалась. Может быть, в этот момент обдумывала какую-то свою вещь, я не прерывала ее молчания. Мы прошли еще по дороге, и она первая спросила:

— Кто из современных писателей-прозаиков вам нравится?

Я ответила, что больше

всех люблю Юрия Казакова. Лицо Веры Федоровны оживилось. Она даже остановилась, и я остановилась вместе с нею.

В ней удивительно было это сочетание известной холодновоатой надменности с непосредственной, очень какой-то юной заинтересованностью в людях, которые чем-то сумели привлечь ее внимание.

— Расскажите мне о нем, — сказала Вера Федоровна. — Я не знакома с ним, но мне нравятся его рассказы. Хотелось бы знать о нем побольше...

Признаюсь, я была рада, что могу рассказать Вере Федоровне подробно об этом замечательном писателе, тем более что, к счастью, мне удалось сыграть некоторую роль в его судьбе. С той поры мы стали друзьями.

Знакомство наше началось вот как: однажды в журнале «Крестьянка», где я иногда рецензировала рассказы «самотека», ко мне обратилась сотрудница журнала, женщина, обладавшая, на мой взгляд, дурным вкусом и недобрым сердцем.

— Зайдите в эту комнату, — сказала она мне. — Там какой-то чудак принес рассказ, просит прочитать его сразу, при нем.

Ну и что с того? — спросила я. — Давайте прочту сразу.

Она поморщилась.

— Это не в правилах нашей редакции. Впрочем, если хотите, извольте, прочтите, хотя скажу заранее, мы уже возвращали ему не раз его рассказы, и этот я тоже просмотрела, типичное не то, и вообще он, по моему, неудобонапечатан, прочтите, поговорите с автором, я бы хотела, чтобы вы отговорили его писать. Право же, писать ему противопоказано, это уж наверняка, можете мне поверить.

Я вошла в следующую комнату. Автор предлагаемого рассказа сидел возле окна, круглоголовый, светлоглазый, мрачно насупленный. Я протянула ему руку, назвала себя.

— Казаков, — сказал он и добавил, подумав:

— Юрий Павлович.

Было это в пятьдесят шестом году, стало быть, Казаков приближался уже к тридцати.

— Почему вы такой? — спросила я и замялась в поисках нужного слова, но он опередил меня.

— Такой сердитый? Вы это хотели спросить?

— Допустим, — ответила я.

— Да, я сердит и даже зол, — сказал он. — А какой бы вы были на моем месте? Пишу рассказы, по моему, совсем неплохие, во всяком случае не хуже тех, которые печатаются в нашей периодике, и никто их не публикует, все говорят: да нет, это не то. Или вроде вот этой женщины, — он кивнул на дверь, за которой, как он считал, находился кабинет той сотрудницы, которая первая приняла его. — Она, знаете, что сказала? Нет, это не для нашего журнала, это не годится для нас. Можно подумать, что для этого журнала надо писать как-то не так, как пишут для других журналов, что ли?

Потом он рассказал, что учится в Литературном институте, что родился в Москве, по натуре не очень общителен, друзьями и знакомыми небогат, а в конце добавил:

— Если и этот рассказ не подойдет, то скажу прямо:

брошу институт, уеду на Север, у меня там есть кое-какие знакомые, буду там ловить рыбу и забуду о всех своих сочинениях.

Я знала мнение сотрудницы журнала о его творчестве, но, несмотря на это, сказала:

— Можно, я прочитаю ваш рассказ?

— Можно, — согласился он. — Только давайте так: читайте сразу же, пожалуйста, не бойтесь высказать свое мнение, а я тут же решу, как мне быть дальше...

Я пошла в другую комнату, в дверях мне встретилась давешняя сотрудница, иронически кивнула на рассказ в моих руках:

— Будете читать эту дребеню?

Я молча кивнула.

— Давайте побыстрее, отрежьте этого чудака раз и навсегда и пойдемте обедать...

Я села за стол в комнате, в которой, к счастью, никого не было, раскрыла первую страницу. И — забыла обо всем. Не могла оторваться от тех пор, пока не прочитала до конца. Это был рассказ «Некрасивая», о девушке-учительнице, которую никто не любит, которая страдает, чувствуя себя обделенной, никому не нужной, дичиной везде и повсюду. Меня поразила правдивый, выразительный язык, точность деталей и, главное, это неподдельное знание особенностей женской души.

«Откуда, — подумала я, — этот еще молодой человек так достоверно и точно сумел изучить женскую душу, сумел передать сложности внутреннего настроения девушки, сознающей себя поистине несчастной?»

Я вернулась обратно в ту комнату, где находился Казаков, сказала ему:

— Вы можете оставить мне этот рассказ?

— Да, берите, — он махнул рукой, — у меня еще есть экземпляр.

Помедлил и спросил:

— Понравилось?

— Очень, — призналась я. — Великолепный рассказ.

Он широко раскрыл глаза.

— Нет, правда? Вы не шутите?

— Конечно, не шучу, рассказ удивительный.

Лицо его озарилось улыбкой, он сразу же показался мне моложе, чем в начале нашей встречи.

— Я позвоню вам, — сказала я.

— У меня нет телефона, можно, я позвоню вам?

— Можно, звоните.

— Когда?

— Полагаю, дня через три.

Он засмеялся.

— Вот это по мне!

Само собой, я не пошла обедать с сотрудницей редакции, а вышла на улицу вместе с Казаковым. Он рассказал мне, что пишет рассказы уже давно, что любит Бунин и сам считает, что Бунин оказал на него огромное влияние.

— И в этом рассказе тоже чувствуется его влияние, — сказала я.

Он кивнул.

— Если вы прочтаете другие мои рассказы, то увидите его влияние во всем...

Мы расстались, он обещал позвонить мне в конце недели. А я на следующее утро отнесла рассказ в редакцию журнала «Знамя», и уже на другой день член редколлегии журнала позвонил мне и спросил, как найти этого са-

мого Казакова. У меня не было его координатов, однако в «Знамени» оказались расторопные люди, сумели через Литинститут отыскать Казакова, вызвали его в редакцию и предложили поехать в командировку от журнала. С той поры началось его блистательное восхождение. Все это я рассказала Вере Федоровне.

Она слушала меня внимательно, время от времени поглядывая на меня своими колдовскими глазами, которым невозможно лгать.

— Вы встречаетесь с ним? — спросила она.

— Да, иногда, — ответила я.

— Отраднo слышать, — заметила Вера Федоровна, — потому что большей частью люди забывают добро и платят обычно за оказанное добро в лучшем случае безразличием, а иной раз даже откровенным злом.

Вскоре я вынуждена была уехать из Комарова, не простившись с Верой Федоровной, и встретила с нею уже в Москве, спустя несколько лет, на съезде писателей в 1967 году.

Вера Федоровна показала мне изменившейся, похудевшей, как-то поблекшей, прекрасные глаза ее словно бы выгорели, глядели устало, как бы нехотя.

Я подошла к ней, поздоровалась. Она протянула мне руку, но пожатие ее было в отличие от всегдашних вялым.

— Чувствую себя скверно, — сказала она и тут же спросила меня:

— Как я выгляжу? Плохо? Скажите правду!

Не хотелось ее огорчать, я пробормотала, что выглядит она нормально.

Она махнула рукой.

— Впрочем, какое это имеет значение?

Помолчала немного.

— Скорей бы домой, в Ленинград. Очень хочется работать...

— Над чем вы сейчас работаете? — спросила я.

— Работы у меня много, — ответила она. — Но сейчас есть одна мысль, сплю и вижу — написать роман.

Снова помолчала и продолжала опять:

— Верите, я уже все рассчитала, всех определила, они мне даже сняты, мой герой, я их всех вижу, как живых...

Я сказала, что рада и за себя, и за многочисленных читателей, ибо мы все получим дорогой подарок — новый роман Веры Федоровны.

— Да, — просто сказала Вера Федоровна, она никогда не скрывала, что знает себе цену, понимает свою роль, свое значение в отечественной литературе. — Это будет интересный роман. Должен получиться интересным, — поправила она себя и повторила опять:

— Я их всех вижу, как живых, мысленно переставляю, словно кубики, различные коллизии и, конечно, все время разговариваю с героями, а они, представляете, иногда и не желают действовать так, как я приказываю, приходится спорить и убеждать...

Легкая улыбка тронула ее губы.

— В общем, скорей бы за работу!

Я пожелала ей успеха и радостей. Она сказала на прощание:

— Только бы хватило времени и здоровья.

Это была наша последняя встреча. Больше нам не довелось видиться, и, к великому сожалению, не хватило у Веры Федоровны ни времени, ни здоровья, чтобы написать новый роман. Наверное, это должно было быть интересное и значительное произведение, как и все то, что выходило из-под пера этой прекрасной писательницы.